

Librarium

МИХАИЛ ВРУБЕЛЬ

ПИСЬМА СЕСТРЕ

РИПОЛ КЛАССИК

Librarium

Михаил Врубель
Письма сестре

«РИПОЛ Классик»

1872–1906

УДК 82-94

ББК 84(2Рос=Рус)1-44 В83 Врубелъ

Врубелъ М. А.

Письма сестре / М. А. Врубелъ — «РИПОЛ Классик», 1872–1906 — (Librarium)

ISBN 978-5-386-14336-7

«Письма» Михаила Врубеля к сестре Нюте (Анне Александровне) каждый раз извиняющиеся — задержал свой ответ то на неделю, то на год; благодарственные — за высланные деньги или поздравления; радостные — принялся за лепку, впервые прочитал Ибсена, ждет невесту из поездки. Он добр и заботлив, делится размышлениями об искусстве, о своем предназначении, о семье, о величайших людях эпохи, о болезни и своих горестях. В сборник вошли письма сестре с 1872–1906 гг. и воспоминания А.А. Врубелъ, Н.И. Забелы-Врубелъ, К.А. Коровина и других. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-94

ББК 84(2Рос=Рус)1-44 В83 Врубелъ

ISBN 978-5-386-14336-7

© Врубелъ М. А., 1872–1906

© РИПОЛ Классик, 1872–1906

Содержание

Воспоминания	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Михаил Врубель Письма сестре

РИПОЛ
КЛАССИК

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2021

Воспоминания Анна Александровна Врубель

*Чудный Гелиос, озари мой ум твоим лучезарным светом, согрей
мое сердце улыбкой Феба!¹*

Дни жизни брата, в которых мне пришлось быть участницей, относятся к трем отдельным периодам его жизни – к детству и отрочеству (1856–1872); затем – ко времени первых лет пребывания его в Академии художеств (1880–1882) и наконец к последним годам его жизни (1893–1910).

Предки художника со стороны отца, по мужской линии, были выходцы из прусской Польши (документальным свидетельством чего была дедовская немецкая библиотека); по женской линии – варшавяне (Мелковские), причем бабушка принадлежала к польской конфедерации. Предки со стороны матери по мужской линии – декабрист Басаргин, по женской – член финляндского сейма Краббе.

Брат родился в Сибири, в г. Омске, куда забросила отца военная служба. Первое свидетельство о брате является в письме матери к сестре ее, жившей в Астрахани; письмо от 17 мая 1858 года (год этот был последним в жизни матери: в январе следующего она скончалась). Вот ее слова: «Миша спит всю ночь преспокойно». Слова эти подчеркивают основную черту брата в раннем детстве – удивительное спокойствие, кротость. В моем сознании ранних лет жизни брат является нередко погруженным самым серьезным образом в рассматривание журнала «Живописное Обозрение», а позднее – иллюстраций к уцелевшим остаткам сочинений Шекспира из вышеупомянутой дедовской библиотеки. Когда отец (1863) женился вторично и мачеха оказалась серьезной пианисткой, брат бывал прикован к роялю, слушая вдумчиво ее музыку. Его называли в эти годы, в шутку, молчуном и философом. С годами нрав его становится более оживленным.

Чтение детской литературы, в частности выходившего в шестидесятых годах содержательного детского журнала «Дело и Отдых», а позднее – привезенных отцом из Петербурга книг «Genies des Arts», «Les Enfants celebres», «География в эстампах» и др., служит брату часто материалом для домашних инсценировок, причем героические роли особенно привлекают его (центральная фигура на большом незаконченном холсте «Тридцать три богатыря» из сказки «О царе Салтане» живо напоминает мне брата в отроческом возрасте). Таким образом элементы живописи, музыки и театра стали с ранних лет жизненной стихией брата. Потребность творчества в брате проявилась в пяти-шестилетнем возрасте. Он зарисовывал с большой живостью сцены из семейного быта; из них вспоминается мне, между прочим, одна, изображавшая с большим комизмом слугу, долговязого малого, называвшегося в шутку Дон Базилио, энергично раздувающего самовар при помощи собственного сапога. Отец, заметив проявляющуюся в брате склонность, старался по мере своих скромных материальных средств способствовать развитию художественного дарования брата: так во время, к сожалению, краткого пребывания семьи в Петербурге (1864) отец водил восьмилетнего брата в рисовальную школу Общества поощрения художеств. Из рисунков брата, принесенных из этой школы, вспоминается мне копия с головы Аполлона. В следующем году в Саратове к брату был приглашен преподаватель рисования местной гимназии, некий Годин, познакомивший брата с элементами техники рисования с натуры.

¹ Этот эпиграф подсказан мне горячею любовью брата к античному миру. – Примеч. А. А. Врубель.

В это же время брат начал более или менее серьезные занятия предметами гимназического курса под руководством широко понимающего свое дело преподавателя, некоего Н. А. Пескова, который, помимо учебников, доставлял еще нередко интересные наглядные пособия к преподаваемым предметам и уделял время для экскурсий в холмистые окрестности города (причем результатом являлись, между прочим, такие геологические находки, как зубы акулы). В дополнение к характеристике дошкольных лет жизни брата считаю долгом прибавить следующий эпизод. В Саратов была привезена однажды, по всей вероятности для католической церкви, копия с фрески Микеланджело «Страшный суд». Отец, узнав об этом, повел брата смотреть ее. Брат усиленно просил повторить осмотр ее и, возвратясь, воспроизвел ее наизусть во всех характерных подробностях. Следующие затем гимназические годы в Петербурге (Пятая гимназия у Аларчина моста) и в Одессе (Ришельевская) отвлекают брата значительно от любимого искусства; он увлекается в первой естествоведением (причем, между прочим, формует из мела целую систему кристаллов), а во второй – историей, по которой пишет, сверх нормы, большие сочинения на темы из античной жизни и Средневековья. Зачитывается особенно Вальтером Скоттом и латинскими классиками, которых в каникулярное время читает с переводом вслух сестре. Рисованием занимается в эти школьные годы только урывками, в часы досуга. Рисует, между прочим, по просьбе отца, почти в натуральную величину, портрет сестры, уезжающей на курсы в Петербург.

Этим заканчивается наша совместная жизнь и наступает разлука на семь лет: два последние года гимназической и пять университетской жизни брата: с кратким, впрочем, перерывом осенью 1874 года, когда брат приезжает из Одессы для поступления в Петербургский университет. Время это вспоминается особенно в связи с нашими совместными посещениями Эрмитажа. Из них, между прочим, помню одно, когда, в силу, очевидно, крайнего напряжения внимания и интенсивности впечатлений, с братом в конце обхода зала сделалось дурно.

В годы университетской жизни связь брата с искусством выразилась в многочисленных рисунках на темы из литературы, как современной, так и классической. Тут были тургеневские и толстовские типы (между первыми вспоминаются Лиза и Лаврецкий из «Дворянского гнезда», между вторыми «Анна Каренина» и «Сцена свидания ее с сыном»), «Маргарита» Гёте, шекспировские «Гамлет» и «Венецианский купец», «Данте и Беатриса», «Орфей перед погребальным пламенем Эвридики» и он же, оплакивающий ее, и, вероятно, еще много других, ускользающих из моей памяти. В каникулярное время одного из промежуточных университетских курсов брат получил предложение сопровождать в путешествие за границу одного юношу с матерью, для занятий с первым латинским языком. Из Парижа и Швейцарии брат писал полные интереса письма, сопровождая их текст набросками пером останавливавших на себе его внимание типов (письма эти, к сожалению, не сохранились). Последние годы университетского и отчасти академического периода брат жил в качестве репетитора-классика в полунемецкой семье одного коммерческого деятеля (тепло относившейся к нему), где ценил известный красивый уют, возможность еженедельного наслаждения музыкой (итальянская опера) и в особенности – близкого знакомства с массой снимков с созданий мировых гениев художественного творчества. Здесь брат встретился, между прочим, с одним из известных в то время архитекторов, для планов которого исполнял иногда мотивы художественных декоративных деталей – панно большею частью по выбору брата, из античной жизни.

По окончании университета брат с большим трудом отбывает, однако, воинскую повинность; затем пробует, склоняясь на доводы отца, служить по юридическому ведомству; но весьма скоро убеждается в невозможности для себя продолжать эту деятельность и поступает в Академию художеств. Здесь он сходится на первых порах с товарищами по классу профессора Чистякова – Н. А. Бруни, а позднее – с Серовым и Дервизом, которому адепты Врубеля обязаны горячею благодарностью за сохранность целой коллекции рисунков его академического периода. Из композиций брата на задаваемые Академией темы мне помнятся две: 1) «Осада

Трои» и 2) «Орфей в аду» – особенно последняя, приковывавшая к себе поразительно разнообразной экспрессией массы теней Аида. Работа эта, исполненная на листе ватманской бумаги размером приблизительно около квадратного аршина, была сделана в одну ночь. В ноябре 1882 года наша временно совместная жизнь с братом (в семье отца) прерывается, с тем чтобы возобновиться только в 1893 году в Москве. Этот промежуток времени отчасти отражается в письмах брата из Петербурга, Венеции, Одессы, Киева и Москвы.

Здесь я нахожу брата уже заявившим о себе в искусстве художником. Настроение его, однако, временами скорее угнетенное, и материальное положение малообеспеченное. В том и другом отношениях его значительно поддерживают полные сердечности дружеские отношения семьи П. П. Кончаловского, редактора в данное время юбилейных изданий соч[инений] Лермонтова, а позднее – Пушкина, в иллюстрировании которых принимает участие брат. Живописные и скульптурные работы у Мамонтова и Морозовых составляют в это время главный импульс его творчества. Нельзя не признать, что первому из этих заказчиков (также как и его семье) принадлежит значительная доля участия в жизни брата как художника.

В 1896 году наступает нежданная перемена в жизни брата – он встречает свою мечту художника в лице тоже жрицы искусства певицы Надежды Ивановны Забела, ставшей затем его спутницей жизни и вдохновительницей целого ряда произведений художника, служа ему неизменно натурой, которую он особенно ценил как таковую, между прочим потому, как он говорил, что, позируя, «она умеет молчать». Свое уважение, преклонение перед ее талантом как певицы он выражал словами: «Другие певицы поют как птицы, а Надя поет как человек». Встреча этих двух влюбленных в искусство произошла при следующих обстоятельствах. Антреприза Московской Частной оперы С. И. Мамонтова гастролировала в Петербурге в театре Панаева. Декоратор ее – художник Коровин – заболел, и брат был выписан из Москвы, чтобы заменить его... и здесь, на спектакле оперы Гумпердинка «Гензель и Грета» брат был очарован исполнением Н. И. Забела роли Греты, и тут же, со всею горячностью, выразил свой восторг. Затем, с возвращением оперы в Москву, последовало быстрое сближение на почве искусства и личной, завершившееся свадьбой 28 июля 1896 года в Швейцарии, где жила мать невесты, – ради больной младшей дочери. После свадьбы (в Женеве) молодые переехали в Люцерн, где и закончили летний сезон. Брат оканчивал здесь свой труд над серией панно на тему из «Фауста» – заказ Морозова, начатый еще весной.

Работы эти были прерваны заказом двух колоссальных панно для Международной выставки в Нижнем Новгороде, для которой братом было намечено соответственно два сюжета: русский – былинный – «Микулушка Селянинович и Вольга Всеславич», и западноевропейский – «Принцесса Греза». Вследствие ли большой спешности при выполнении сделанных художником эскизов, для завершения в срок огромного размера панно, или в силу новизны трактовки, они не удовлетворили академические жюри выставки; но по инициативе Мамонтова для них было отведено особое помещение на той же выставке. Художник же оказался в таком дефиците, что должен был закончить свое путешествие к невесте пешком. Два первых зимних сезона брат с женой жили пансионерами в симпатичной, радушной семье Братоновских – знакомых или, кажется, родственников Мамонтова – на Садовой ул. близ Сухаревой башни; а затем устроились самостоятельно, сначала на Пречистенке, потом на Лубянке, причем приобрели все необходимое для домашнего уюта и даже некоторого комфорта с истинно артистической легкостью – чуть ли не в один день. Лето проводили они – одно в Риме, одно в имении княгини Тенишевой (в Смоленской и Орловской губернии). Остальные годы в Черниговской губернии на хуторе Ге, известного, тогда уже умершего, художника, сын которого был женат на сестре жены брата Е. И. Забела. В Риме, кроме Сведомских, брат сблизился, между прочим, с художником А. Риццони настолько, что смерть последнего (самоубийство в 1902 г.) произвела на брата глубокое впечатление, вылившееся стихами в память погибшего собрата по искусству.

У княгини Тенишевой одновременно с братом и его женой гостили известная в свое время пианистка Менцер и не менее известный скульптор князь Трубецкой, который делал бюст гостеприимной хозяйки дома. Отсутствующий в это время муж ее, возвратившись и увидя еще не совсем законченную работу скульптора, принял ее за изображение жены брата (между ними некоторые находили действительное отдаленное сходство). Эпизод этот, однако, закончился тем, что раздосадованный скульптор тут же уничтожил свое произведение. После двух недель, проведенных в Талашкине (Смоленской губернии), куда артисты приглашались на этот определенный срок, брату с женой предложено было провести остальную часть лета в Орловском имении тех же гостеприимных хозяев. При переезде туда, на конечной перед имением железнодорожной станции, гостей ожидал весьма элегантный экипаж с кучером-англичанином или французом (не помню). Брат был несколько смущен вопросом, какой ему возможно дать гонорар; но по окончании пути решил дать *pour boire* в три рубля со словами: «*Pour une bouteille de cherry*», чем тот был видимо удовлетворен.

Остальные годы брат с женой, как было уже упомянуто выше, проводили лето в Черниговской губ. на хуторе Ге, близ станции Плиски Киево-Воронежской ж. д. Здесь оставалась еще в целости мастерская покойного художника, даже с наброском мелом на большой черной, вделанной в стену доске его Известной картины «Распятие». Эта мастерская была любезно предложена хозяевами хутора в распоряжение брата. Здесь было написано несколько наиболее значительных вещей, как то: два больших полотна «Сирени», «К ночи», «Царевна-Лебедь» и начат «Богатырь». Брат с увлечением работал здесь, устроив себе костюм профессионала – легко моющуюся белую длинную блузу. День проходил в работе, а вечер, часто в некотором уединении от родственного кружка, брат проводил, лежа на садовой скамейке под развесистым старым вязом, в сосредоточенном размышлении, очевидно, обдумывая свою работу, погруженный в царство своей художественной фантазии. Длинные прогулки, как и садовые игры, утомляли брата, поэтому он редко участвовал в них. Исключением среди этого *passetemps* являлся день 28 июля – день свадьбы брата и невестки. Тут роль художника он менял на другую, тоже изредка ему симпатичную роль *maitre d'hotel*'я. Брат шутил при этом, говоря, что не будь он первым, он избрал бы профессию второго.

Обыкновенно накануне предпринималась поездка в Киев для расширения меню. Затем разводился костер, происходило жарение на специально заказанном для этого вертеле, и шло угощение, относительно, конечно, в более или менее широких размерах; после чего наступали неизбежные дни экономии для приведения в равновесие бюджета.

Но вот наступает 1901 год, отмеченный крупным семейным событием – рождением сына. Родители с горячей радостью ждут появления на свет будущего, делают самые тщательные приготовления: но их ожидает глубокое огорчение: мальчик рождается, в смысле общего сложения, прелестным, с каким-то поразительно сознательным взглядом, но и с первым признаком дегенерации – раздвоенной верхней губкой. Это так глубоко поражает брата, что вскоре наступает постепенное и неуклонное погружение, если можно так выразиться, психики брата в стихию его конечного «Демона». Начинает преобладать угнетенное настроение в связи с лихорадочной работой, что продолжается вплоть до водворения картины на выставке в начале 1902 года, после чего настроение переходит в редкое возбуждение. Он намеревается ехать в Париж и там выставить своего «Демона» под титулом «*Ikone*», пишет в четыре сеанса портрет своего нежно любимого сына, причем придает его облику то выражение крайней тревоги, которую, очевидно, переживает сам, сосредоточиваясь на том, что ждет его в жизни.

С весны 1902 года начинаются последние, скорбные годы жизни брата, годы его душевной болезни, с двумя, однако, светлыми промежутками: первый с февраля по май 1903 года, второй – с июня 1904 года по март 1905 года; после чего, через год, наступает быстрое падение зрения, а затем и окончательная потеря его, причем, как ни странно, является сравнительное успокоение, просветление психики, осознанное самим художником с поразительной кротостью.

Переходя к более детальному изложению этого периода жизни брата, вспоминаю консилиум московских врачей (25 марта 1902 г.), произведший на заболевшего тяжелое впечатление: он пришел к печальному выводу, что врачи не понимают психики его – художника. Они усиленно настаивают на необходимости отдыха в деревне, на лоне природы, или, по крайней мере, вдали от шумной жизни большого интеллигентного центра. Брат (очевидно, сознавая свою неуравновешенность) решает отвезти свою жену и сына к тестю в город Рязань; сопровождает их, но там, в силу своего возбужденного состояния, оставаться не может. Возвращается через несколько дней в Москву, где на вокзале ждет его уже врач, чтобы проводить в лечебницу. Наступает период столь сильного возбуждения, что на полгода прерываются свидания даже с самыми близкими людьми – женой и сестрой. Первые четыре месяца своей болезни брат провел в частной лечебнице, так как московские клиники были закрыты на каникулярное время. В числе врачей этой лечебницы был один, стоявший ближе к искусству. Он говорил, что заслушивался бредом художника, так был он интересен своим содержанием. Поднимался вопрос о переводе брата в одну из заграничных лечебниц. Вспомнив, что профессор Мечников знал брата в Одессе еще гимназистом и с симпатией относился к нему, сестра писала профессор в Париж, прося о содействии, на что он не замедлил дать положительный ответ.

Один юный поклонник музыки брата, некто Владимир Владимирович Мекк, тогда еще студент Московского университета, человек, располагавший значительными материальными средствами, выразил полную сердечности готовность лично устроить это и даже проводить брата; но московские врачи решительно настаивали на том, что путешествие и резкая перемена обстановки могут иметь последствием нежелательное потрясение нервной системы больного, а потому вопрос этот так и не разрешился в положительном смысле. Осенью с открытием Университетской психиатрической клиники (имени Морозова) брат был переведен туда, под ближайшее наблюдение проф. Сербского, который был приглашен к брату первым в самом начале заболевания. Здесь наступило значительное успокоение психики брата, хотя временами замечалась еще некоторая спутанность мысли. Брата посещали здесь, кроме жены и сестры, Мекк Вл. Вл., П. П. Кончаловский, Лансере. Студенчество клиническое относилось к брату с трогательной симпатией, устраивая ему в его светлые часы развлечение музыкой и поэзией. Сам же брат творить в своей области искусства в тот период еще не мог, и это крайне угнетало его, особенно после оставления клиники в конце февраля 1903 года. Врачи советовали, для восстановления сил больного, по выходе из лечебницы провести начало весны в Крыму, а затем в обстановке деревни.

К сожалению, поездка в Крым оказалась мало удачной, отчасти вследствие неожиданно холодной погоды; главным же образом потому, что брат чувствовал свою беспомощность в отношении своего любимого искусства, что приводило его моментами в глубокое отчаяние. Выходя из вагона по своему возвращении, брат с горечью сказал: «Какой я путешественник!» Довольный возвращением к своей любимой семье, брат провел с нею около месяца: а затем, опять-таки по любезному предложению Влад. Влад. Мекка, направился (согласно предписанию врачей) с женой и сыном (Саввочкой) в имение этого последнего в Киевской губернии. С радостным чувством, вспоминала потом жена брата, въехали они в Киев, где оба делали свои первые шаги на поприще искусства и где были встречены старыми друзьями-художниками С. П. Яремичем, В. Д. Замирайло и Ковальским. Но, к сожалению, радость эта была жестоко сменена глубоким горем. Маленькому Врубелю суждено было, не доехав до хутора Мекк, остаться на киевском кладбище Байковой горы², а скорбная чета Врубелей, направившаяся было на хутор, так невыносимо почувствовала себя на лоне природы, осиротевшей, что брат через неделю категорически заявил: «Везите меня куда-нибудь (подразумевая лечебницу),

² Он простудился в нетопленном (по сезону) вагоне и не перенес крупозного воспаления легких. – *Примеч. А. А. Врубель.*

а то я вам наделаю хлопот». Так как московские клиники летом закрыты, решено было, сообщая с братом, ехать в Ригу, где ожидалось более или менее благоприятные условия.

По приезде в этот город брат сам выбрал городскую лечебницу, так как там оказался врач, знакомый ему по Петербургу (д-р Тиллинг). Жена и сестра ежедневно навещали больного, но вскоре врач нашел, что свидания с близкими неблагоприятно действуют на него, так как напоминают о недавно пережитом. Тогда было решено перевезти брата за город, в частную лечебницу, более удовлетворяющую в гигиеническом отношении. Настроение брата продолжало быть глубоко подавленным – настолько, что, когда сестра приехала за ним осенью (жена уезжала в Швейцарию к больной матери), он встретил ее словами: «Ты знаешь, я, кажется, разучился говорить». С открытием Морозовской клиники брат опять возвратился в нее. И тут вновь почувствовал улучшение, в том смысле, главным образом, что стал в состоянии работать и читать. Возможность эта обратилась, однако, вскоре в неумолимую потребность, которая увлекала его днем и ночью. Это, конечно, не могло не отразиться на физических силах больного, и вот к весне, в связи с некоторой простудой (в садовой беседке во время дождя), разрешившейся ревматизмом в суставах, к чему присоединились и тяжелые воспоминания прошлой весны (потеря сына, которого брат иногда сравнивал с маленьким Эйольфом), у него является полная атрофия аппетита и такая изнуренность, что его возят в кресле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.